

Некогда один человек потерял бриллиантовую запонку в бескрайних просторах синего моря, и вот проходит двадцать лет, и в тот же самый день — предположим в пятницу — он ест большую рыбу, но, увы, никакого бриллианта в ней не обнаруживает. Вот какие совпадения мне нравятся.

*Владимир Набоков,
«Смех в темноте»*

В большинстве своем люди стараются любыми средствами выделиться из толпы себе подобных. Но вот Анри Рей, напротив, проявлял чудеса изобретательности, чтобы не отличаться от кого бы то ни было. Однако невероятная заурядность и чрезмерная сдержанность, столь присущие ему, самым парадоксальным образом превращали его в оригинала.

Он не следовал моде, хотя и старался не слишком от нее отходить. Не стремился в ряды первых, но и не желал замыкать строй. И если в чем-то ему не было равных, то это в искусстве скользить незамеченным и не привлекать внимания. Во всем же остальном он принадлежал к середине. Никогда не вызывал особых восторгов, но и никого не разочаровывал. Если у коллег интересовались объективным мнением о нем, то лишь пожимали плечами, не в состоянии что-либо к этому добавить. Метр семьдесят восемь ростом, он никогда не набирал и не терял вес. И об-

ладая этой удачной наследственной особенностью, с восемнадцати лет всегда весил ровно семьдесят килограммов.

Анри Рей отнюдь не был урод, но его очарование скрывалось за скромностью. Тем не менее это не мешало ему каждое утро приводить в порядок прическу, не то чтобы совсем строгую, но и не особо всклокоченную. Чтобы не демонстрировать совершенства в одежде, он доходил до того, что в нескольких местах специально мял свой серый костюм. И по той же причине, опять же по утрам, проводил носками начищенных туфель по гравию дорожек. Самую малость. Чтобы никому даже в голову не пришло, что Анри Рей одержим военной педантичностью. Но, несмотря ни на что, она все равно лезла из него наружу.

Взять хотя бы пунктуальность. Чтобы сохранять верность избранной модели поведения, ему надо было путать следы и оставлять временной зазор: опоздать на пять минут там, прийти на три раньше здесь. Но в его случае это было за гранью возможного. Он не мог ничего с собой поделаться — слабости есть у каждого — и всегда являлся вовремя. Всегда. Как-то раз, провожая его на тренировку по теннису, дед, желая его немного поторопить, произнес избитую, обиходную сентенцию: «В срок — это в срок. До срока — это не в срок. И после тоже». Даже не догадываясь, что она окажет влияние на всю оставшуюся жизнь

внука. Услышав эту фразу в первый раз, Анри со свежим взглядом ребенка, только-только познающего тонкости языка, с наслаждением вкусил присущие ей уместность и софизм. А впоследствии взял максимум на вооружение в качестве своего девиза. В итоге она стала его единственной самобытной чертой.

Поэтому теперь каждое утро, точно вовремя, аккуратно в 7:52, он целовал жену Гвендолину в левую щечку и уходил из их общего дома, что находится по адресу ул. Лавуар, 32, в городке Бельпра, департамент Эвр-э-Мэн. А потом проходил восемьсот семьдесят шагов, отделявших его от офиса на первом этаже производственного объединения «Пибоди». И с понедельника по пятницу, с 8 до 17:00, с часовым перерывом в полдень, он пускал в ход свое искусство квалифицированного бухгалтера, явно заслуживающее гораздо большего уважения со стороны общества. Каждый день ровно в 12:38 он приходил домой, где обедал бургундской говядиной, телячьим рагу под белым соусом, миланским эскалопом или салатом из помидоров — на каждый день недели у него полагался отдельный рецепт, а с понедельника меню опять начиналось по кругу. В 13:22 он возвращался обратно в офис, неизменно пешком, чтобы ровно в 13:30 вновь заступить на службу.

Подобно всем остальным поборникам пунктуальности, он с трудом терпел, когда

опаздывали другие. В силу этого ему, дабы попенять секретарше Аделаиде или его помощнику Жан-Марку за очередную задержку, то и дело приходилось громогласно вздыхать (никаких других наказаний он не применял), порой испытывая в душе сожаления от того, что его до такого довели. На обед эта неразлучная парочка всегда уходила вместе, поэтому если вернуться вовремя не успевал один, то его примеру машинально следовал и другой, синхронно нарушая правила.

Но сдерживать себя Анри Рей умел. Его жизненная философия сводилась к перманентной минимизации проблем, если ему, конечно же, доводилось с ними сталкиваться. Однако случалось такое редко. Ему, конечно же, приходилось преодолевать отмеренную судьбой долю невзгод и преград, но при этом он, в отличие от братьев, давно понял, что неприятности в большинстве случаев случаются с теми, кто сам же их и провоцирует. В детстве — а в человеке, конечно же, все формируется именно в этот период — его то и дело одолевали демоны ребячества. Вместе с товарищами он совершал рискованные вылазки на крыши, бросал в канализационные люки петарды и даже таскал в супермаркете Бельпра футбольные карточки «Панини». Но платил за эти скромные дозы адреналина порой очень и очень дорого. Он терзался чувством вины, его несколько раз ловили и сурово от-

читывали. В конечном итоге им было принято решение держаться подальше от этих опасных эскапад.

Предпочтя проблемам скуку, Анри почувствовал себя гораздо безмятежнее и с тех пор спокойно дожидался конца, стараясь, чтобы его пребывание на этой земле доставляло как можно меньше тягот.

Через несколько месяцев Анри, погруженный по пояс (включая голову) в воды Северной Атлантики и привязанный за ногу веревкой к тонущей прогулочной яхте, капитан которой имел отношение к флоту единственно матросской блузой, вполне резонно задался вопросом: что ему теперь нужно делать?

Учился Анри Рей тоже посредственно, с одной стороны, выдерживая планку, позволявшую избегать упреков родителей, с другой — не стремясь в лидеры, дабы не вызвать зависть и злобу других учеников. Когда затевался бунт против очередного учителя, участие в нем он принимал вяло и максимально незаметно, чтобы не злить заводил, но и избежать возможных санкций со стороны руководства школы.

С учетом всего этого, любимчиком колледжа его никто не считал, но и в изгоях тоже не держали. Методика работала, превосходя все его ожидания.

Он ни с кем не конфликтовал, поэтому откровенных врагов у него не было, за исключением разве что Людовика Деле — мелкой шантрапы, который с детского сада воспылал к нему непонятной ненавистью и не упускал случая поиздеваться. Какой-то особой жестокости не демонстрировал, но с удовольствием подставлял ему ножку и прятал портфель. Пустячные, но неприятные нападки неугомонных школьных шkodников. Даже сегодня, когда им исполнилось по тридцать пять, Людовик Деле со знанием дела продолжал гадить Анри при первой же возможности.

По капризу злого случая они работали в одной компании. Деле, трудившийся в отделе маркетинга, представлял собой полную противоположность Анри Рею. Жил не по средствам, раскатывал в авто с откидывающимся верхом (всего лишь «Рено Супер 5», не более того, но все-таки) и щеголял в рубашках с отложными воротниками на цветастых пуговицах самого низкого пошиба и с мушкетерскими манжетами, застегнутыми броскими, вычурными запонками. Громко говорил и так же громко смеялся, пялил глаза на каждую женскую фигурку, оказавшуюся поблизости, и при каждом удобном случае неизменно себя выпячивал. Его вечно окружала свита прихлебателей, очарованная харизмой уверенного в себе любителя понтов. Против своей воли Анри признавал грустную правду:

мир в его нынешнем виде был сотворен для Людовика Деле. Только старался тот совершенно напрасно — найти слабое место, чтобы плюнуть в него своей злобой, ему никак не удавалось. Анри все было как с гуся вода, на провокации он не реагировал и по возможности старался не обращать на них внимания. А когда обнаруживал направленный против него удар, едва успевал уворачиваться.

За исключением этого репья, в городке Анри любили и с большинством жителей Бельпра у него сложились теплые, сердечные отношения. Однако друг у него был только один: Антуан.

Антуан дю Пен, потому как речь идет не о ком другом, как о нем, слыл единственным известным в округе аристократом. Одна из улиц Бельпра носила имя его предка, в свое время знатного сеньора. Располагалась она в старом квартале, недалеко от замка, в котором по-прежнему жил Антуан — будучи единственным сыном, он, как и полагается, унаследовал титул. Герцог с герцогиней дю Пен, его отец и мать, погибли при крушении авиалайнера, совершавшего туристический рейс, через несколько дней после его шестнадцатого дня рождения. Административные органы одно время подумывали отдать его в приемную семью или приют, но, к счастью для

юного дворянина, положенные в таких случаях процедуры затянулись, он успешно достиг возраста восемнадцати лет, и необходимость покидать замок тут же отпала. Унаследовав семейное состояние, Антуан остался в Бельпра, устраивал по своим владениям экскурсии, а летом — средневековые праздники в осушенных крепостных рвах с пикниками и лотками с продукцией народных промыслов. Самого его не особо вдохновляли все эти маскарады, во время которых нанятые актеры выкрикивали «мессирь!» да «диавол!», сопровождая свои слова какофонией анахронизмов, повергавших его в отчаяние, но такого рода ярмарки привлекали народ и помогали поддерживать в порядке старое родовое гнездо.

В тридцать пять лет — они были ровесники — Антуан стал неким подобием щеголя и по большому счету пользовался в городке уважением. С удовольствием оказывал услуги, при случае финансировал то библиотеку, то культурный центр. Не важничал, не корчил из себя аристократа и не выставлял напоказ свое богатство, кроме разве что замка, который, что ни говори, представлял собой гордость всего Бельпра. Был вечный холостяк и не чурался компании других — в отличие от единственного настоящего друга Анри Рея.

Они знали друг друга без малого тридцать лет. Им очень хотелось бы рассказать о своих лихих похождениях и невероятных вылазках,

воскресить в памяти перипетии молодости. Но если по правде, в их жизни не было ровным счетом ничего, что могло бы оставить след в анналах истории городишки. Они просто убивали на пару время, что само по себе уже было весьма замечательным приключением. Но главное, их связывали крепкая дружба и поистине братские узы, благодаря которым они были готовы в любой момент защитить друг друга. В случае нападок один без сожалений подставлял щеку и принимал на себя предназначенную другому оплеуху.

В тот день 1995 года Антуан дю Пен — а вот и он — наслаждался прекрасным летом на террасе «Белой лошади», единственного приличного бистро из пяти имеющихся в Бельпра. Встретить его по тем временам было большой удачей. Несколько лет назад молодой герцог вбил себе в голову посмотреть мир и праздным туристом стал раскатывать по разным уголкам планеты. В 1842 году его предок Луи дю Пен, исколесив вдоль и поперек земной шар, поведал о своих путешествиях в небольшой книжонке «Странствия аристократа с Запада», после издания пользовавшейся некоторым успехом. Антуану взяться за перо не давал недостаток высокомерия, но подобная нехватка амбиций никоим образом не мешала ему отправиться вкушать атмосферу других континентов и пойти по стопам предка. На